

Николай Марянин

РОДИНА

Родина... Синие дали
в чаше янтарной зари,
запах душицы в бокале,
памятных дней снегири,
прошлого звонкая песня,
светлых берёз терема,
Болдино, Красная Пресня,
Дымково, Гжель, Хохлома,
тонкий узор по оконцу,
стойкий дурман кабаков,
и устремлённые к солнцу
мысли и чувства веков,
брызги весенних прогалин,
страсти великий почин,
Пушкин, Суворов, Гагарин,
Жуков, Чайковский, Шукшин,
удаль с душой полководца,
резвые кони в степи,
тайны святого колодца
с ветхой бадьёй на цепи,
радость и скорбь без остатка,
русского чувства накал,
Крым, Беломорье, Камчатка,
Волга, Сибирь и Байкал,
к зыбкому счастью дорога,
совести сдержанный вздох,
и постижение Бога
в бездне суровых эпох,
истины высшая мера,
сердце настигшая вновь
там, где надежда и вера
вечно рождают любовь!

ПОЛЫНЬ

Шальной дурман полыни -
как дерзкий путь в зенит -
мне душу и поныне
волнует и пьянит.

По замыслу мессии,
всем сладостям назло,
считай что пол-России
полынью поросло.

Чуть спустишься с пригорка -
и хоть косой коси...

Не потому ли горько
живётся на Руси?

Но нас ведь и под плёткой
так просто не возьмёшь:
Россию горькой водкой
захочешь - не зальёшь.

И потому так громко
в хмелю полынных струй
кричат в России «Горько!»
под сладкий поцелуй.

ТРИ ИСЦЕЛЯЮЩИХ СЛОВА

Как и положено людям,
мы до последнего дня
верим, надеемся, любим,
в сердце смиренье храня.

И вопреки суесловью,
мир погрузившему в дым,
с верой, надеждой, любовью
в очи безумцев глядим.

Маясь в безвременья сите,
шепчем сквозь сдавленный плач:
верьте, надейтесь, любите -
даже в петле неудач!

В единоборстве упругом,
испепеляющем кровь,
станут спасательным кругом
вера, надежда, любовь.

Чтобы почувствовал снова
дух, устремлённый к нулю,
три исцеляющих слова –
верю, надеюсь, люблю!

ЛАЗОРИКИ-ЛАЗОРЬКИ

Мы с тобой на майской зорьке
ой-да выйдем на холмы,
где лазорики-лазорьки
среди зелёной бахромы...
Над лугами в дымке синей
твой прелестный силуэт:
в небе - солнце над Россией,
на земле - лазорев цвет.

В царство дикого пиона
ты войдёшь, как в райский сад,
ярче нежного бутона
твой лазоревый наряд...
Я в Пионовой долине
ключевой воды напьюсь:
о любви моей отныне
пой, лазоревая Русь!

Ах, лазорики-лазорьки,
чувства пылкого размах,
мы любовь нашли на взгорке,
на Лазоревых холмах...
Первоцвета лепесточек,
осторожно, не сорви:
здравствуй, аленький цветочек -
талисман моей любви!

РУССКИЙ БОГ

Посох и дорога,
крестик золотой -
первый после Бога
грешник и святой.

Одинокий путник
всех краёв земных,
искренний заступник
нищих и больных.

Тихий богомолец,
тайных душ знаток -
дай мне, чудотворец,
истины плоток!

Людам новой эры
дай, святой отец,
кротости и веры
высший образец.

Тёзка мой и сродник
в русской стороне,
Николай-угодник,
дай свободы мне!

Ясный луч надежды
светится вдали,
белые одежды
пылью обросли...

В царстве произвола,
злобы и огня -

русский бог Никола,
сохрани меня!

МАТЬ-И-МАЧЕХА

Манят мёдом цветы
в золотистом огне...
Здравствуй, Родина, ты –
мать-и-мачеха мне.

На исконном пути
через степи и рвы
никуда не уйти
от камчужной травы.

В поле брошенном и
на откосах дорог
я, как листья твои,
весь извял и продрог.

Вольный ветер несёт
сорным семенем вдаль,
и неведом полёт,
и былого не жаль.

В желтоглазом огне
ты, Россия, опять
злая мачеха мне –
и любимая мать.

* * *

В небе утреннем горя
зеркалами вымысла,
из-за озера заря
красной розой выросла.

Разрезая серебро
в волнах бесконечности,
снова выпало зеро
на рулетке вечности.

И трепещут на ветру
отраженья мрачные:
неужели не к добру
зеркала прозрачные?

Но уже метель метёт
вперемешку с грёзами,
и всё озеро цветёт
золотыми розами...

НЕБЕСНЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Я рву цветы со всех планет Вселенной
и осыпаю Землю вновь и вновь,
чтоб Ты по ним с улыбкой сокровенной
прошла в страну по имени Любовь.

Я жемчуг звёзд слагаю в ожерелье
на всём пространстве Млечного Пути,
чтоб грусть Твою и звонкое веселье
от болей и несчастий отвести.

Я мягкий свет небесного оконца
задёрну шторкой тёплого дождя,
чтоб Ты во тьме сияла ярче Солнца,
по радуге желаний уходя.

Я лишь на миг прерву движенье струям,
чуть слышно морозящим сквозь дома,
чтоб Ты своим пьянящим поцелуем
в который раз свела меня с ума.

* * *

Чёрный жемчуг черёмух,
красный жемчуг рябин...
Бродит в царских хоромах
только ветер один.

Стал чужим и ненужным
голос летнего дня:
в ожерелье жемчужном
ты ушла от меня.

Тихо падают слёзы
в перезвон вечевой,
и порхают стрекозы
над увядшей травой.

Что ж ты, сердце шальное,
снова плачешь навзрыд?
Тают в чувственном зное
вожделенье и стыд.

А в оконных проёмах -
как души господин -
чёрный жемчуг черёмух,
красный жемчуг рябин.

ЧТО Ж ТЫ ПЛАЧЕШЬ, МОЯ ПУСТЕЛЬГА?

И откуда ты в эти луга
залетела, моя пустельга?
И зачем каждый день поутру
ты трепещешь на зябком ветру?
Оперение рыжее и
соколиные очи твои
над землёй - как осколки звезды
и предвестники скорой беды...
Я твой верный и добрый слуга:
что ж ты плачешь, моя пустельга?
Что ты крыльями яростно бьёшь,
камнем падая в жёлтую рожь?
Не терзай мою душу, скажи,
что таится в некошеной ржи,
и какая такая печаль
на Россию накинула шаль?
Жизнь под солнцем, увы, недолга:
взвейся ж в небо, моя пустельга,
унеси свою горькую весть
в те края, где счастливых не счесть.
А на этой уставшей земле
всё и так уже меркнет во мгле,
остужая тепло очага...
Что ж ты плачешь, моя пустельга?

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ ДЕВСТВЕННОЩИЦЫ

Огнём пылает мой пленённый взор,
зовущий человечество на битву...
Когда взойду на жертвенный костёр,
о, Родина, услышь мою молитву!
Невинную избранницу небес
избавь от незаслуженных проклятий:
неправда, что в меня вселился бес,
что я – царица дьявольских объятий.
Да разве ведьма лютая смогла б
поднять народ и отстоять свободу?
Хоть жалок человек и духом слаб,
но это не относится к народу.
В порыве гнева он непобедим,
и в час святой им движет Божья воля...
Пусть крепок эшафот и едок дым,
я всё стерплю, коль мне такая доля.
Но ты, слепая Родина моя,
свободу с чистым воздухом глотая,
вернёшь ли мне журчание ручья,
когда, увы, поймёшь, что я святая?
Что только мне на смертном вираже

творцы небес вручили это знамя...
По воле их сейчас меня уже
со всех сторон охватывает пламя.
Я – жертва несогласий вековых,
людских страстей, земного карнавала,
сама же в девятнадцать лет своих
огонь любви телесной не познала.
Зато теперь объятия огня
мне во сто крат доступны и желанны:
бери, люби меня, сожги меня,
познай шальную страсть безумной Жанны!
Как жарко ты целуешься в уста,
как трепетно скользишь по нежной коже...
Ну что, узнал теперь, что я чиста
перед страной, и перед Богом – тоже?
Прощаю всех убийц и палачей
и вижу, как на всех просторах суши
моей любви спасительный ручей
втекает в человеческие души.
Я факелом пылаю в небесах,
кровь хлещет из растерзанного тела,
душа летит на белых парусах:
плачь, Родина, ты этого хотела!

ЛЮДИ-КЛЕТКИ

Каждым утром, вставая с постели,
ощущаете тот же сюжет:
в жизни нет ни возвышенной цели,
ни великого замысла нет,
и всеильные боги не скажут,
для чего это чудо дано -
спицы времени вяжут и вяжут
утомительных дней полотно...
Но одно откровение всё же
поражает владельцев своих:
организм человечества - тоже
словно соткан из клеток живых!
Человек в нём - ничтожная малость,
где колотится сердце-ядро,
и хоть юность бушует, хоть старость,
всякий раз выпадает зеро...
В беспокойных волнах цитоплазмы,
в потаённой глуши хромосом
и соблазны кипят, и маразмы,
и вражды нездоровый синдром,
и сознание охвачено бунтом,
и паскудство воняет, как скунс,
вместе с долларом, евро и фунтом
в людях падает совести курс...
Но - какая б ни висла угроза
над душой, потерявшей уют,

люди-клетки в процессе митоза
человечеству выжить дают!
Оставляют они, умирая,
поколения вместо себя,
человечеству жизнь – сохраняя,
а себе - безвозвратно губя...
И к вершине карабкаясь, вниз ли
семена и цепляясь за склон,
каждым утром тревожные мысли
прерывают божественный сон:
повелительно сжатые ими,
превращённые в чью-то мишень,
постарайтесь проснуться живыми
и достойно прожить этот день.

В ОЖИДАНИИ ПРИЛИВА

На Русском море кончился прилив,
и обнажились вдруг земные плиты...
Вдоль Волги – гор чарующий мотив,
плезиозавры, сланцы, аммониты,
потоки гуннов, таинства болгар,
легенды Кул Гали и Ибн Фадлана,
Батыевой орды палящий жар,
былинные руины Тамерлана,
Симбирская гора и волшебство
двух гордых рек, дерзнувших течь навстречу,
засечный град Богдана Хитрово,
и Стенька Разин, вышедший на сечу,
внушительный Суворовский конвой,
в Москву на казнь ведущий Пугачёва,
и Карамзин с историей живой,
и Пушкин, и Языков в мощи слова,
Обломова воспевший Гончаров,
Минаева колючая сатира,
и Керенский на стыке двух миров,
и Ленин, взбудораживший полмира!
Триумф надежд, свержение идей,
баталии вселенского размаха,
где не понять, кто – гений, кто – злодей,
и всё сплелось под шапкой Мономаха,
пошитой из небесного сукна,
светил, планет, созвездий мироздания,
космического тонкого руна,
семи ветров и вечности дыханья!
И связывая времени пласты,
над Волгой, как неслыханное диво,
из прошлого в грядущее мосты
застыли в ожидании прилива...

БЫЛОЕ НА ДРОВА

Геннадью Дёмочкину

Здесь молодые прячут взоры
и тихо плачут старики:
в Симбирска старого узоры
вонзились времени клыки...
Грызут, жуют и рвут на части
древесный образ старины -
в укор бездействующей власти,
в ущерб истории страны!
А город, память в сердце скомкав
и сдав былое на дрова,
плодит бессовестных потомков,
давно не помнящих родства.

КЛЕЙСТЕР

Словно чары чудотворца,
источая блеск и зной,
серп луны и молот солнца
власть имеют над Землёй.

И с сомненьем двоеверца,
разжигая розни страсть,
крик души и шёпот сердца
в человеке делят власть.

Как прямой удар кувалды
в наковальни робкий взмах,
молох лжи и жажда правды
бьются яростно в умах.

А в шальном порыве буйства,
день и ночь терзая высь,
свет добра и зла безумство
в мёртвой хватке обнялись.

И на гипсе эпилога
крепнет, как в папье-маше,
клейстер Дьявола и Бога
в человеческой душе.

ВОЙНА МИРОВ

Рассудок захлестнуло, как цунами,
безумство ярких вспышек и теней:
война миров объявлена не нами,
но мы капитулировали в ней,
и каждый на Земле – военнопленный,
живёт, смакуя разумом враньё,

пытаясь в тёмном зеркале Вселенной
увидеть отражение своё...
Но тщетно разглядеть осколки истин
под покрывалом мерзости и лжи,
где вечный дух познания ненавистен
клеветам всемогущего ханжи,
опутавшего липкой паутиной
мерцающие мысли мудрецов,
и человек униженной скотиной
влачит свою судьбу во мгле веков...
Не в силах ни Сократ и ни Конфуций
прорвать эскарпы умственных преград,
и жуткий ад кровавых революций
швыряет человечество назад,
во тьму инстинктов, страхов и амбиций,
в звериной стае чёрную корысть,
где лучшая из признанных традиций -
быстрее друг другу глотку перегрызть!
Приветствуя такую перспективу,
мы не желаем чувствовать вину,
и не хотим искать альтернативу,
чтоб тихой сапой выиграть войну:
постичь природы принцип сокровенный,
легко пройти сквозь полузабытьё
и наконец-то в зеркале Вселенной
увидеть отражение своё...

ВИРУС

Птицы-галактики мчатся из гнёзд
по мириадам небесных дорог:
мы - результат эволюции звёзд,
мы - промежуточных истин итог...

И ускоряется в острой борьбе
тел человеческих вечный транзит:
каждый невидимый атом в себе
тайну рожденья Вселенной хранит!

С жаждой безумной влезают умы
в этой субстанции тонкий эфир,
страхом терзаясь, а вдруг это мы -
вирус, который погубит весь мир?

ЛЮДИНОЗАВРЫ

Поможет ли природы архитектор
в рефлексии космической глуши
понять, куда направлен челоВЕКтор
развития обманутой души?

Известно всем: вначале было слово,
и слово было Бог, молва не врёт,
но слоги языка полуживого
заверотило в слоВОдворот...

Безумство и величие эпохи
легко сплелись в объятых жадных рук,
когда подставы, подлости, подвохи
усваивало жлОБщество вокруг!

Интриги под фанфары и литавры
возвысили все мерзости Земли,
и обрekli себя люДИнозавры,
зажатые во времени щели.

Большие, неуклюжие, пустые,
без совести, без чести, без стыда:
пророчат судьи им и понятые
последний планеТАнец в никуда...

Дыша возмездьем в каменные лица,
под музыку огня и ветра вой
промчится грозной смерти колесница,
как колеСОлнце по косМОСтовой!

И весть благая сквозь чужие сферы
вселенское звеЗДАние пронзит:
люДИнозавры вымерЛИцемеры,
фашиСТихия миру не грозит...

НЕСВОБОДА НЕБОСВОДА

Нам не дано понять подчас
стихию мысли сокровенной:
сознание каждого из нас -
кривое зеркало Вселенной...

И в этот мир кривых зеркал,
где миллиарды отражений,
страстей врывается накал,
сомнений, споров, возражений,
неточных истин, тайных грёз,
шалых идей, во тьму забредших,
где правит гениев гипноз
и тирания сумасшедших!

Постичь хотя бы кое-что
стремимся, но мечом глагола
свою вселенную никто
не защитит от произвола...

И от отчаянной тоски
над нами жалкая природа
нависла, смыслу вопреки,
как несвобода небосвода!

Коварный разум правит суд
из очумевшего чертога,
цивилизации маршрут
уже диктуя вместо Бога...
И нет систем координат,
и скрыта совести абсцисса,
и сострадания райский сад -
давно за гранью компромисса!
Не в силах сделать ничего,
Создатель плачет и смеётся,
стыдясь творенья своего...
И нам всего лишь остаётся,
не веря больше в чудеса,
ждать в ареале несвободы,
покуда рухнут небеса
для равновесия природы.

УЛЫБКА ВСЕЛЕННОЙ

Над гибельной бездной, где зло и добро
качает судьба на кривом коромысле,
мерцает в удушливой мгле серебро
спасительной мысли...

Она проникает сквозь время и страх,
огнём выжигая ходы среди мрака:
бросок, постижение сути, замах -
и снова атака!

Дугой электрической вяжет внахлёт
два полюса тьмы, чтоб во вспышке мгновенной
увидеть среди умирающих звёзд
улыбку Вселенной.

НЕКОГДА ПОКА

Мы пока ещё не слабы,
хоть валяем дурака:
помирать давно пора бы,
да всё некогда пока.

Дни транжирим бесшабашно,
словно нам даны века:
помереть совсем не страшно,
да всё некогда пока.

Есть ещё силёнки, чтобы
увильнуть из тупика:
помереть пора давно бы,
да всё некогда пока.

Нашей эры перегибы
не исправишь с кондачка:
помереть — так от любви бы,
да всё некогда пока.

И уже не любят бабы,
нет былого огонька:
помирать давно пора бы,
да всё некогда пока.

РЯБИНОВАЯ КРОВЬ

...крадётся ЧЁРНЫЙ век на мягких лапах,
овеществлённый ЖЕМЧУГОМ греха,
и льётся в мир ЧЕРЁМУХОВЫЙ запах,
как слог ПРЕКРАСНЫЙ в таинство стиха,
но в этом адском ЖЕМЧУГе порока
вскипает вновь РЯБИНовая кровь,
и буйно колоБРОДИТ раньше срока
среди покоеВ ЦАРСКИХ нелюбовь:
она в ХОРОМАХ дьявольских пылает,
где ТОЛЬКО мрак в потерянной глуши,
и буйный ВЕТЕР дерзостно гуляет
по замку ОДИНочества души...

...покой оСТАЛся где-то в преисподней
полуПУСТЫМи строфами добра,
и осветИлся замысел господний
НЕНУЖНЫМи зарницами костра,
в которых ГОЛОС осени грядущей
звучит сильнее ЛЕТНЕГО дождя,
а яркий всполох ДНЯ над дикой пущей,
к блаженстВу ОЖЕРЕЛЬЕм восходя,
не хочет дать ЖЕМЧУЖНОМу закату
себя волной остЫвшей поглотить,
и мысль, что не УШЛА ещё к возврату,
вновь тянет ОТ МЕНЯ живую нить...

...втекают в хаОс вечного движенья
гексаэдрОв ОКОННЫХ зеркала,
где прячутся в ПРОЁМАХ отраженья
гвардейцев КАКофонии и зла,
и сквозь земли ДУШИстый тонкий запах,
как ГОСПОДИН порочного стиха,
крадётся ЧЁРНЫЙ век на мягких лапах,
овеществлённый ЖЕМЧУГОМ греха,
плоды ЧЕРЁМУХ дарит раньше срока,
как миг ПРЕКРАСНЫЙ первая любовь,
и в этом адском ЖЕМЧУГе порока
вскипает вновь РЯБИНовая кровь...

НА КРАЮ ГИБЕЛИ

Разорвано время - и крысы бегут с корабля,
в пробоинах вечности меркнут сокровища Флинта,
и с мрачной улыбкой застыл капитан у руля,
не в силах постичь запредельную суть Лабиринта.

Взбесившийся ветер швыряет сквозь гибельный мрак
истерзаный парусник с треснувшим древком на мачте...
Но реет над бездной надежды спасительной флаг,
и голос Всевышнего к душам взывает – не плачьте!

А волны вздымаются выше тугих парусов,
и моря холодная синь обнимается с небом:
на рваном полотнище – Жизни пронзительный зов
с трудом прорывается к высшим духовным потребам.

Простёр Апокалипсис чёрные крылья свои,
и мысли о мирном исходе, увы, безотрадны...
Но вновь зарождаются где-то флюиды Любви,
и молнией в сердце вплетается нить Ариадны.

Она извивается лентой в потёмках времён,
которую Мёбиус сшил из галактик Вселенной:
спасение будет, и праведных душ легион
с неистовой страстью в стихии рождается пенной!

Закон равновесия власть над безумством берёт,
и судно летит, огибая смертельные рифы,
а флаг из когтей Лабиринта уносит вперёд,
вобрав в свой девиз все земные преданья и мифы.

До боли знаком золотой силуэт корабля,
свободно скользящий по гребню девятого вала...
Плывёт среди звёзд возрождённым ковчегом Земля:
ликуй, Человечество, гибель опять миновала!

МОЛИТВА БАХА

Наталье Гладковой

О, Боже, научи меня любить
холодным сердцем музыку Вселенной,
позволь из чаши вечности испить
её печали голос сокровенный.

Дай силы мне постигнуть суть вещей,
и сквозь души прозрачные одежды
пролей мне в сердце огненный ручей
величественной музыки надежды!

ПОЕЗД

Жизнь в итоге не кажется чудом,
если в бездну дорога пошла...
По моим кровеносным сосудам
скорый поезд летит, как стрела.

И грохочут по рельсам колёса,
добавляя давленья в висках:
лишь бы он не сорвался с откоса,
ощутив раньше времени страх!

Покорясь роковому уделу,
по излукам живых кактакомб
поезд жизни к земному пределу
мчится, как оторвавшийся тромб.

Полустанки, разъезды, вокзалы
так и манят пойти на таран,
и мелькают неистово шпалы,
и нельзя уже дёрнуть стоп-кран!

И гудок паровозный заплачет
в миг, когда сквозь судьбы круговерть
неизбежно вдали замаячит
остановка с названием Смерть.

МАТЬ РОДНАЯ

Подходя к воротам рая,
улыбайся, не робей:
смерть — она как мать родная,
надо радоваться ей...

Для души земная плаха -
лишь агония тщеты,
избавление от страха,
скорби, горя, нищеты.

И печалиться не надо
у порога райских врат:
это шанс избегнуть ада,
если в чём-то виноват.

Все дары возьми от жизни,
мудрым стань, как чародей,
и идя навстречу тризне -
улыбайся, не робей!

Взнесёт судьба земная
в вечной истины зенит:

смерть — она как мать родная,
пожалует и простит...

НИЦШЕЗОФРЕНИЯ

1

Сквозь завистью отравленный эфир
больная явь сочится из расщелин...
Рождён несовершенным этот мир,
и значит, сам Творец несовершенен!
Свет истины сокрыт в нутре глухом,
лишь избранным потворствуя мятежно...
Коль названо сомнение грехом,
убожество сознания - неизбежно.
Захлёстывать прозрение петлёй
упёртых догм и предрассудков – надо ль?
И мудрость распласталась над землёй,
как ворон, что опять почуял падаль...
А в подсознании кружит мыслеверть:
жизнь – буйная болезнь души и тела,
лекарство от которой – только смерть,
сошедшая из высшего предела.

2

Питомцы пещерной морали,
убогих преданий столпы,
мы в вере навечно застряли
на истинах ложной тропы...
Жестоки, резки, безрассудны,
несдержанны к мненьям иным,
мы в чём-то наивны и нудны,
но твёрдо на этом стоим!
На фоне духовной элиты,
в мелькании света и тьмы,
мы немые, немилые, немые,
немыслимо-немоцны мы.
В реестре всемирной халтуры
ютимся на самом краю...
Мы – дети отсталой культуры,
и сдохнем за веру свою!

3

А тело – как безропотная мумия,
и робкая душа – как тихий храм...
Под гнётом ослеплённого безумия
так просто клясться в верности богам!
Опутавшие разум убеждения
в сознании – к высшей истине близки,
и мнится в каждом звуке поступь гения
и музыка божественной тоски.
Но скрыт обзор циклопу одноглазому,
слепому же и вовсе всё равно...

Когда-то оклеветанному разуму
очнуться от насилия дано.
В видениях исчезнут аллегории,
луч света вспыхнет перед маяком,
и инквизитор первый раз в истории
почувствует себя еретиком.

4

Пахнет псиной в саду мироздания,
ветер с визгом летит по росе...
Лают, вроде бы, псы сострадания,
но страдают от этого все.
Под рычание псов суеверия
богомольная паства бредёт,
государство как пёс лицемерия
скалит зубы на жалкий народ,
а вокруг, подвывая и сетуя,
огрызаются партии-псы,
привести себя к власти советуя
и считая до власти часы...
Как всегда, в этой искренней лживости
не хватает на чаше весов
ужасающих псов справедливости
и сочувствия бешеных псов.

5

Над колыбелью облако взошло
сквозь звонкий смех и тихое рыдание:
тяжёлые слова – добро и зло –
преподнесли младенцу, как приданое.
Он тащит вьюк на собственном горбу,
никак не доходя до понимания,
что на себе несёт свою судьбу –
азартную и буйную, как мания...
То к дьяволу, то к богу гонит страх,
и нет ни в чём ни сущности, ни цельности:
добра и зла так много на плечах,
но это всё – чужие драгоценности.
Грехи цивилизации легли
на нас тяжёлой ношей, как возмездие
за то, что наши предки не смогли
из звёзд добра и зла создать созвездие.

6

Поэты – мосты
к позабытым давно временам,
от сомкнутых наций – к ушедшим во тьму племенам,
из душных квартир – в наслоившие землю пласты,
от кладбищ – к былинным курганам...
Поэты – мосты
в грядущую эру, таящую знаний ключи,
от солнечной искры – к пожару духовной свечи,

из сути греха – в кулуары людской доброты,
от замыслов – к их воплощению...

Поэты – мосты

к божественной сущности мира в начале начал,
из ангельской бухты – на дьявольский жуткий причал,
от правды – до лжи, от спокойствия – до суеты,
от жизни – к дыханию смерти...

Поэты – мосты

к сияющим звёздам в галактиках дальних миров,
от полного штиля – в чертоги вселенских ветров,
из кельи убогой – в покои великой мечты,
откуда и тянутся к душам
поэты-мосты.

7

Мы – против, мы выходим вон,
и впечатленье покорёжено,
хотя смущает нас лишь тон,
которым мнение изложено.
Чем жёстче правила богов,
тем злее мы и недоверчивей,
и все любезности врагов
считаем против нас диверсией.
Не заречёмся от сумы,
и от тюрьмы, и от утопии:
оригиналу чаще мы
предпочитаем чьи-то копии...
Нет в этом мире ничего
скверней, чем мерзость безобразия,
но безобразнее всего –
та мысль, что будит в нас фантазия.

8

Человечество в поисках бога
не одну нам поведало повесть,
но быльём зарастает дорога
в мир, где истинный бог – наша совесть.
Она стала оплотом морали,
и грехи отпускала до срока,
а её на Земле растерзали
кровожадные духи порока.
Во спасение хочется дружно
обнажить наши тайные вздохи:
эксгумацию совести нужно
провести по призыву эпохи!
И когда перекрытие треснет
над засевающим в сознании зверем,
как Христос, наша совесть воскреснет,
и в неё мы, как в бога, поверим...

9

Только Аристотель мудрым слогом
смог такой узор изобразить:
надо быть животным или богом,
чтобы в одиночестве прожить...
Может быть, наш мир и интересен
тем, что парадоксов в нём не счесть:
говорят, у злых людей нет песен,
отчего ж у русских песни есть?
Злу – добро должно служить опорой,
в истине такой и скрыт подвох:
надо быть философом, который
в жизни – и животное, и бог!
Как ослу, ему до звёзд не прыгнуть,
груз не сбросить и не донести –
суждено под тяжестью погибнуть
в терниях великого пути.

10

Энергия воли зовёт нас идти
по дебрям земного отечества...
Уже человек в середине пути,
но в чём она, цель человечества?
Видны горизонты грядущих эпох
и блеск совершенства материи,
но только неясно ещё, есть ли Бог,
и будет ли гибель империи?
Несчётная тьма идеальных людей
в искусстве уже не нуждается,
зато в сотворении свежих идей
за лишнюю пайку удавится!
Расчерчен уют миллиардов квартир
на планах земной геодезии...
Но только зачем нам божественный мир,
в котором не будет поэзии?

11

Чтоб увидеть, как живёт страна,
можно в маске гнусного пижона
изучать народ свой из окна
железнодорожного вагона...
В ритме сумасшедших скоростей
и в шальном мелькании мгновений,
он всегда в плену своих страстей,
ложных созерцаний и суждений.
Даже в гениальном полотне,
чинно подойдя к нему вплотную,
лишь мазки он видит на стене,
а не философию земную.
И брюзжит, и ноет, и вячит
монотонно, нудно, голосисто –
так в концерте Родины звучит

жалобная песня нигилиста.

12

Обжигая высокие чувства
угольками духовной глуши,
на арену выходит искусство
безобразной души.

Оно двигает камни в пространстве
и зверей превращает в людей,
в его сумрачно-скорбном убранстве
торжествует злодей.

Тонкий мастер больших потрясений
и знаток психологии тьмы,
он готовит, как истинный гений,
пир во время чумы...

Чтоб с мечтою бессмертия в сердце
в звёздном храме витать над землёй,
пробуждая в безумном пришельце
и восторг, и покой.

13

Поддельный мир несёт всё дальше
мечты искусственный портрет,
и в ложных красках этой фальши
не видит истину поэт...

Ему дано в циничной позе,
среди общественных грехов,
валяться в собственном навозе
невразумительных стихов.

Самодовольство – как награда
за то, что все вокруг глупы,
и мир тошнит от маскарада
насквозь неискренней толпы.

Халву тщеславия вкушая,
творит поэт в угаре грёз,
и смачно порция большая
со стуком падает в навоз.

14

День завершается в сладостной неге,
как на огарке свечи...

Солнце уже закатилось, но в небе
всё ещё светят лучи.

Мучает гения магия смерти,
атомы двигая вспять...

Сердце уже неподвижно, но верьте –
свет его будет сиять!

Волны любви, вдохновенья, распутства,
войн, унижений, прикрас:

Тысячелетья промчались, но чувства
ими рождённые – в нас.

В жарком порыве закатного танца,

словно веков попури,
будет всегда согреть чужестранца
пламя вечерней зари.

15

В аду тебе предложат черти
работу грешников-рабов –
могильный сторож в замке смерти
среди гробов.

Здесь, на клочке червивой суши,
в объятьях мёртвой тишины,
в тебя все низменные души
войти должны.

Властитель тьмы, больной зверёныш,
разверзнет огненную пасть –
тебе останется всего лишь
в неё упасть...

И пекла вой на вечной тризне
пронзит души твоей раздрай,
чтоб ты заранее, при жизни
стремился в рай.

НАДО ЖИТЬ

Жану Миндубаеву

Жизнь – великое таинство звёздных систем,
между Богом и Космосом тонкая нить...
Надо жить, если даже не знаешь, зачем,
даже если нисколько не хочется жить!

Выход лбом пробивая в бетонной стене,
снова видишь в проёме суму да тюрьму...
Надо жить, если даже не нужен стране,
своим детям, друзьям и себе самому!

Прорываются дамбы духовных плотин,
напирают сомненья, сознание дробя...
Надо жить, если даже остался один,
и обрушился прахом весь мир на тебя!

Заблуждений, страстей и безумств круговерть
человек на кровавом плетёт колесе...
Надо жить, если даже ослабилась смерть,
даже если вокруг уже умерли все!

Жить, по огненной пашне вселенских борозд
эту ниточку к Богу шажками стеля,
и исполнить великое таинство звёзд
до последнего вздоха, движенья и взгля...